

Античное святилище на Жеваховой горе

"Ключ к разгадке тайны античного предшественника Одессы..."

...следует искать на Жеваховой горе", — заявил профессор Эрнст фон Штерн 26 апреля 1902 года на заседании Императорского общества истории и древностей. К этому времени вся территория естественного плато, возвышающегося над заливом, перешла во владение города и была поделена на участки. При размежевании землекопы снесли одну из курганных насыпей, из которой извлекли греческие амфоры V в. до н. э. Эти находки и послужили основанием для доклада Э.Р. Штерна.

Первые находки античного времени на этом памятнике были сделаны еще в 20-х годах XIX века основоположником одесской археологии И.А. Стемковским. В те времена вся плоскость Жеваховой горы была усеяна обломками греческой керамики, что, по мнению исследователя, определяло место древнего поселения. Со степной прилегающей к нему стороны находился обширный курганный могильник. Самый большой курган и снесли землекопы еще в 1902 году, заложив тем самым вековую традицию уничтожения памятника.

Более чем за столетие от него мало что осталось — сказалось соседство кирпичного завода, который выбрал почти всю глину на горе. Пытаясь спасти хоть что-нибудь, экспедиция Южноукраинского государственного

педагогического университета разбила летом 2006 года раскоп на самом краю карьера.

Эти раскопки оказались самыми широкомасштабными за всю историю изучения памятника. Со времени обнаружения следов античной цивилизации такие исследования здесь проводились лишь дважды — сотрудником Одесского педагогического института М.С. Сеницыным в середине 1950-х годов, а также одесским археологом Э.И. Диамантом в 1972 году. В результате этих работ в юго-западной части плато были обнаружены остатки жилых помещений и глубокие ямы, заполненные золой и пеплом. Такие ямы Э.И. Диамант считал мусорными. Под одним из наземных строений археологи обнаружили котлован "полуземлянки с отопительной печью". В ее заполнении была сделана замечательная находка — письмо на свинцовой пластине. В нескольких строках некоему греку ольвийского происхождения Протагору предлагалось вернуться домой в связи с тем, что события, имевшие неблагоприятный для него резонанс, улеглись.

Казалось, эти находки противоречат утверждению профессора Штерна, который предполагал, что в античные времена на Жеваховой горе располагался некий "складочный пункт": на обезвоженном плато с обрывистыми высокими берегами, без удобных морских навигационных подступов, никакого населенного пункта быть не могло...

Устами младенца...

Уничтожив курганное поле, экскаватор постепенно подбирался к охранному столбам в юго-восточной части горы, свидетельствующим, что античный памятник охраняется государством. Органы охраны памятников, как обычно, благословили эту деятельность и выдали дирекции кирпичного завода разрешение на свободную добычу здесь глины. Перед разработкой очередного участка бульдозер стребал весь культурный слой в сторону, чтобы он не мешал, — ведь примесь чернозема в глиняном сырье может привести к браку кирпичной продукции.

В ходе раскопок было обнаружено и изучено двадцать шесть различных комплексов античного времени. Интереснейшие находки не заставили себя ждать. Так, в одной яме, забитой пеплом и золой, обнаружено рыбное блюдо. На дне большой ямы в дальней части раскопа найдена целая "гетская" корчага. Тут же нашли нижнюю часть чернолакового сосуда с процарапанной посвятельной надписью на древнегреческом: "ΟΛΥ".

Эти буквы означали эпитет какого-то божества. Например, Муз или богини Геры. ("ΟΛΥ" — сокращенная от *ολυμπιαθα*, что переводится как "олимпийская".)

В соседней яме обнаружен еще один целый сосуд, но уже "скифского облика". Там же находился железный перстень с креплением для геммы и ракушка каури (у греков она символизировала женское естество) с отверстием для нити. Другая яма содержала целый сероглиняный сосуд и чернолаковую афинскую солонку. В яме № 4 находилось несколько пирамидальных отвесов и пряслица для ткачества, керамические грузила от рыболовных сетей, два чернолаковых килика, обломки ножей, наконечники дротиков и стрел, амфоры, роскошные сосуды для благовоний и многое другое.

Почти в каждом объекте попадались обломки свинцовых пластин. Один комплекс дал увесистое свинцовое грузило от невода, причем абсолютно целое. На обилие находок свинцового шлага и изделий из этого металла указывал в своих публикациях по раскопкам на горе еще Э.И. Диамант. Свинец был очень популярным материалом в античные времена. Как известно, свинцовыми листами полностью обшивали корпуса и днища древнегреческих судов, начиная несколько выше ватерлинии. Свинец не только предохранял металл от коррозии, а дерево от гниения, но и способствовал остойчивости судна, не допускал обрастания днища ракушками. Очевидно, защитные свойства свинца в сознании греков носили сакральный характер, а потому он широко использовался для производства культовых изделий. Свинцовые шлаки и пластины часто находят на некрополях древнегреческих городов. Характерно, что в Ольвии находки

свинцовых предметов наиболее распространены именно на территории сакральных участков.

Ямы располагались в соответствии со строгой планировкой. Над каждой из них были возведены маркирующие "маяки" из массивных тесаных известняковых плит — чтобы новый объект случайно не зацепил соседний. Честно говоря, задуматься над смыслом и назначением этих "странных" с хозяйственной точки зрения комплексов нас заставил невинный вопрос одной из увлеченных старшекласниц, помогавших на раскопе: "А зачем греки выбрасывали в мусор стрелы, целые свинцовые грузила и монеты?..".

"Священные помойки"

Этот вопрос заставил нас задуматься о смысле всего спектра находок из каждого раскопанного комплекса. Выяснилось, что таков весьма широк и разнообразен. В каждой яме находились предметы различной функциональной принадлежности: начиная с украшений и заканчивая загадочными круглыми заготовками из амфорных стенок ("намотки"). Весьма типичными оказались находки, связанные с домашними ремеслами, — глиняные грузила для ткацких станков. Но они не были пригодны для практического применения (отсутствие обжига, отверстия для нити). Кроме того, многие вещи, перед тем как бросить в яму, хозяева "портили" намеренно. Например, у дорогих чернолаковых сосудов отбивали нижние части, поддоны исписывали посвятительными надписями в честь богов.

Все это наводило на мысль, что мы имеем дело вовсе не с поселением античного времени, а со священным участком. Так называемые "поля культовых ям" известны по всему эллинскому миру, однако "жеваховское" оказалось уникальным в своем роде. Судя по всему, оно имело особое значение в античном Причерноморье. Ведь именно здесь пролегал морской торговый путь из Средиземноморья в Ольвию и крымские города. В районе современного Одесского залива располагался крупный портовый город и целый куст периферийных поселений. Их жители, надо полагать, и составляли основную "клиентуру" святилища на Жеваховой горе.

Культовые ямы предназначались для отправления обрядов, связанных с плодородием, земледелием, поклонением земле. За плодородие и земледелие в Элладе "отвечала" богиня Деметра — один из главных персонажей северопричерноморского религиозного пантеона. Культы в ее честь от-

правлялись в сочетании с поклонением ее дочери — Коре-Персефоне, которая являлась женой властителя подземного царства Плутона. Культ в честь Деметры и Кору обладает определенными ритуальными признаками. В ее честь греки приносили нижние части сосудов (символ потустороннего мира). Перед тем как сбросить приношения в яму, хозяева намеренно их ломали (если речь идет о предмете). Это символизировало "умерщвление" вещи. Такой ритуал означал своего рода "кормление" другого мира, поддержание его жизни с помощью "пищи", приготовленной по "зеркальному" рецепту (разбить, сломать). Только в этом случае приношение может быть принято в ином мире. Так происходит изменение семиотического статуса вещи, и самый заурядный бытовой предмет становится культовым. Но без учета признаков "умерщвления" это не всегда можно заметить. Видимо, поэтому Э.И. Диамант и принял "священные помойки" за обычные бытовые мусорные ямы.

Одними из магических вещей являются и самодельные "намотки". Вырезанные из стенок сосудов или известняка, они встречались практически в каждом комплексе. Чудодейственное предназначение "намоток" на разных святилищах подчеркивалось надписями-посвящениями Коре-Персефоне. Стрелы и оружие посвящали Аполлону, поскольку он отвечал не только за праздник жатвы (*таргелии*, в июле), но и помогал охотникам. Исключительная меткость его стрельбы особо отмечена в древнегреческих мифах.

В честь Деметры существовал специальный праздник *тесмофорий*, — один из самых распространенных в причерноморских греческих городах, где основной статьей экспорта являлось зерно. В нем могли принимать участие только женщины. Тесмофории были связаны не только с земледелием или плодородием, но и с брачной жизнью, поскольку Деметра являлась одной из ипостасей Великой Богини-Матери и воспринималась как богиня жизни и смерти.

На Деметру были также возложены функции покровительницы ремесел. С этим связаны многочисленные находки глиняных пряслиц. Кроме того, у греков символика ткачества тесно переплеталась с мотивами судьбы и жизни. Считалось, что Мойры плели именно нить судьбы. За ткацким станком у Орфея изображалась и Кора-Персефона, которая являлась хранительницей всякого посева (поскольку в Северном Причерноморье зернохранилищами служили большие подземные резервуары).

Почему же Э.И. Диамант пришел к иным выводам при раскопках на горе более тридцати лет тому назад? Потому что он раскопал лишь ничтожную часть памятника, и его раскоп мог зацепить участок, застроенный сооружениями культового характера (храмы, каменные ограды священных участков, жилища жрецов и т. п.), каковые имеются при многих античных святилищах.

Даже по предварительным результатам древнегреческое святилище на Жеваховой горе можно назвать одним из крупнейших в Северном Причерноморье в V-IV вв. до н. э. Его расположение полностью соответствует представлениям о сакральной географии в античном мире. Присутствием священных капищ были отмечены любые чем-либо примечательные места. Например, урочища или приметные вершины, грязевые вулканы и важные в географическом и навигационном отношении острова, проливы, мысы, а также серные и иные источники. Так, дельфийский оракул вещал именно над зловонной расселиной у горы Парнас. Уникально зловонные запахи лечебных грязей Куяльницкого лимана у Жеваховой горы могут и сегодня обострить провидческое чутье каждого. И если подобные ароматы из здешних расселин выпускались и в античные времена, то без своего оракула Жеваховское святилище никак не могло обойтись.

Святилища, помимо культовых сооружений, на возвышенностях могли служить и маяками, а также сторожевыми пунктами, обеспечивающими визуальную связь с центром. Подобная маячная служба могла находиться и на Жеваховой горе (еще одно возможное объяснение находкам строений Э.И. Диамантом). Существование маяка на этой возвышеннос-

ти совершенно необходимо при наличии морского торгового пути, проходившего через нынешний Одесский залив, и судоходности Куяльника и Хаджибея, которые в те времена были реками.

Все это позволяет видеть в Жеваховой горе древнегреческое общественное святилище ландшафтного (или полисно-пограничного) типа. Такие святилища в Причерноморье чаще всего устраивались в пограничных зонах на мысах, реке — из-за немногочисленности таковых — на маленьких островах, холмах, в дикорастущих рощах, лесах. В античное время по линии нынешнего Хаджибейского лимана проходила граница сфер влияния соседних городов-государств — Ольвии и Истрии. "Священная" Жевахова гора находилась именно на этом рубеже ольвийского полиса и указывала на его юго-западные пределы. Вполне допустимо, что в соответствующее время сюда съезжались не только жители близлежащих поселений, но и Ольвии (например, тот же Протагор), для отправления официальных культов в честь почитаемых божеств.

Подобные святилища маркировали границы ольвийского государства по всему периметру. Например, юго-восточным "пограничным столбом" являлся культовый комплекс на Тарханкутском полуострове. А северную границу определяло общественное святилище на берегу Бугского лимана, напротив современного Николаева (поселение Богдановка). Там находился своеобразный "огненный алтарь". Здесь одновременно сжигали огромное количество камыша, снопов пшеницы, ячменя. Сохранились следы воздействия очень высоких температур на землю и камни. "Богдановский" алтарь функционировал в связи с определенными циклами сельскохозяйственных работ, а также символически защищал северные окраины полиса. Священный огонь в виде громадного костра должен был действовать как сотерическая магическая сила, способная препятствовать проникновению на территорию полиса холодных масс воздуха и вражеским вторжениям.

"Пуп земли" на Жеваховой горе

Свой "огненный алтарь" находился и на Жеваховой горе, в центральной ее части, в десятке метров от фронтального открытого морю обрыва. Первым на него наткнулся экскаватор. Но от разрушения уникальный объект спасли строгие требования технологических служб кирпичного завода к чистоте и качеству добываемой глины — ведь примесь инородных включений в сырье портила кирпич. А в этом месте вертикальный разрез

котлована изобилував черноземними включеннями. Он був схожий на величезний шаровий пиріг. З нього в багатстві торчали амфорні ножки, кістки, фрагменти чорнолакових посудів. Тому ми зупинили екскаватор і стали зачищати цей розріз. І відкрили обширну циліндричну яму, яка досягала в діаметрі п'яти метрів. Видима в розрізі глибина об'єкта перевищала три з половиною метра. Все це нагадувало засипану шахту для запуску балістических ракет, в якій шари мусору чергувалися з товстими шарами попелу, золи і пережженої глини.

Якщо б ми випадково там не опинилися в той момент, говорити зараз було б просто не про що. Наш основний розкоп знаходився в півсотні метрів в стороні. Ми взялися за цю яму лише після "відкриття" її екскаватором, щоб спробувати її врятувати. І менше всього очікували від її розкопок чогось дивного. Тем більше що були задоволені прекрасними знахідками з усього святилища. Ібо, як сказано: "У Бога долі не просять". Ми і не просили, Він сам запропонував.

Правда, довелося потрудитися. Копали ми на цьому місці більше двох тижнів. Вияснилося, що в середині IV в. до н. е. тут була викопана абсолютно кругла в плані яма глибиною до 6 м. На рівному глинистому дні був розведений вогонь (судячи з попелу, палили камінь). Стоячи на краю котлована, люди брали з відвала свіжу глину, сминали її в долонях і кинули в вогонь. Після всього дно закрили тонким шаром зеленуватої морської глини. На цій прошлойці була зведена конусовидна насыпь з утрамбованого пережженого ґрунту висотою до півтора метрів. В її середині було знайдено багато фрагментів кераміки з слідами впливу вогню, бронзові наконечники стріл, ритуальні "намотки". В основанні насипу знаходився невелике корито, виготовлене з місцевого каменя-ракушечника.

Простоюючи певний час під відкритим небом, яма поступово засипалася ґрунтом до половини своєї глибини. Конусовидна насыпь значно оплила. Але незабаром сюди знову явилися люди і розвели величезний вогонь. Вогонь досягав такої сили, що потужність утрамбованого попелючого шару в ямі перевищала 20 см. Глинисті борти ями значно пропали. В вогонь кинули доньки амфор, стінки керамічних посудів, багато кісток. Пожарище напевно було видно за десятки кілометрів. Після цього яма знову була кинута і простояла під відкритим небом кілька років, поки не заплила остаточно. Судячи з масштабів, цей комплекс являвся одним з центральних в системі культового святилища на Жеваховій горі.

Именно здесь нас ожидала "находка сезона". Возведенная на дне ямы конусовидная насыпь оказалась так называемым *омфалосом*. Омфалос — с древнегреческого переводится как *пуп земли*. В античном мире он трактовался как центр мироздания. В нашем случае этот "центр" располагался в середине круглой в плане ямы (так называемой "целлы"), символизовавшей собой это самое мироздание. Грубо говоря, греки соорудили на горе миниатюрную модель мира.

Самый известный в античном мире омфал находился в Дельфах, у подножия Парнаса. По преданию, Зевс захотел выяснить, где находится "центр земли", и запустил двух орлов в разные стороны. Они облетели землю и встретились над Дельфами. Древнейший дельфийский омфал хоть и был каменным, но внешне не отличался от омфала на Жеваховой горе.

Название Дельф произошло от слова *дельфос* — *лоно*. Греки связывали его с трубообразным отверстием на склоне горы Парнас, которое вело к мрачной пещере, где обитал огромный змей Пифон. Пифон пожирал всех, кто осмеливался приблизиться к этой расщелине. Поднимаясь на гору, Аполлон не только убил чудовище, но и заложил на этом месте храм, получивший название Пифийского. Это место стало обиталищем пифийского оракула, наиболее авторитетного в древнем мире. Ритуал гаданий был связан со зловонным источником в пифийской пещере, испарения которого, как считалось, оказывали наркотическое воздействие на прорицательниц. По легенде, этот зловонный запах шел от разложения трупа убитого змея.

Греки почитали порой сделанные "без всякого искусства" предметы, овеянные особым ореолом древней святости. Омфал — один из самых известных предметов такого рода. Поэтому в древнем мире их было известно великое множество. Традиция почитания "пуха земли" берет свое начало в очень древних представлениях о Великой Богине-Матери, которая имела власть над сотнями святилищ героев по всей Греции, где сохранялись челюстная кость, отсеченные гениталии покойного, а также его пуповина (отчего подобные захоронения иногда именовались "святилищами пуха"). Такая пуповина, некогда соединявшая тело младенца с материнским лоном, являлась зримым символом того, что герой, как бы велик он ни был, происходил от женщины, ей был обязан появлением на свет и служил Богине-Матери.

Культ Великой Богини в Средиземноморье стал постепенно угасать примерно в 4300-х годах до н. э. и окончательно утратил свои позиции в 2500-х годах до н. э. Начиная с этого времени, эллинская религия пред-

ставляет собой причудливую смесь матриархальных староевропейских верований и патриархальных индоевропейских обычаев. В разных местностях это происходило по-разному. В частности, в Греции на первое место постепенно выдвигается представитель мужского начала — Зевс, оформленный мифографами как отец и царь богов Олимпа.

После победы олимпийства многие прежние верования сохранялись в виде посвяtitельных мистерий. Великая Богиня-Мать заняла на Олимпе не только место жены Зевса — Геры. Все олимпийские женские божества — суть ее многочисленные ипостаси. В том числе и дочь Деметры, Кора-Персефона, которая после брака с Плутоном получила в управление древнюю собственность Богини-Матери — подземный мир.

Так вот, самая распространенная эмблема Великой Богини-Матери имела вид омфала. Первоначально он мог являть собой горку тлеющих углей, покрытых белой золой (это был самый простой способ бездымного хранения огня). Почитание "пупа земли" на жеваховском святилище было связано с поклонением женскому божеству, которое почитали в Элладе еще в "доолимпийские" времена.

Древние авторы (Гесиод, Пиндар, Павсаний, Страбон и др.) сообщают о том, как выглядел дельфийский омфалос. Эти сообщения дополняются сохранившимися изображениями на рельефах и в вазописи. Общим для всех этих свидетельств является представление пупа земли в виде полусферы (пол-яйца), что встречается не только в греческой, но и в ряде других традиций. Именно такую полусферу, или пол-яйца, мы нашли на Жеваховой горе.

Вся эта смесь верований и культов была успешно привита первыми колонистами на благодатной почве Северо-Западного Причерноморья. Как показывают результаты раскопок, собственный, северопричерноморский, "пуп земли" возвели и граждане Ольвийского государства на южной окраине своего полиса. Ключ к разгадке тайны античного предшественника Одессы подобран.

Фото Ивана Череватенко

